

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ОБЪЕКТА

Галина Русецкая¹

Abstract

The purpose of this article is to show how the conceptual resource of psychoanalysis helps to open unobvious dimension of the social order of Belarus. «The latent true» of social order becomes accessible to us in a certain extent subject to a traumatic core of subjectivity.

The basic attention in the article is paid to the notion of psychoanalytic ethics which is based on the concept of desire. The desire is never realized in its completeness. However it can be found in the relation with the desire of the other. The subject betrays his/her desire when he/she objectifies the completeness of the desire of the other. This objectification in its most odious forms generates envy to the desire of the other which is fraught with reaction of violence.

In this article, the basic conditions of the possibility of the ethical choice based on the maxim «follow your own desire» are considered.

Keywords: ethics of psychoanalysis, desire, melancholy, violence, pure difference.

Нынешняя социально-политическая ситуация в Беларуси как нельзя точно вписывается в координаты, совпадающие с названием небольшой статьи С. Жижика, а именно: *Когда простота означает странность, а психоз становится нормой*. Основная проблематика этой работы, равно как и общественная жизнь Беларуси, как видится, размещены в плоскости психоаналитической этики. Может показаться, что сложно отточенный психоаналитический инструментий незачем извлекать на свет ради высказывания о предельно простой и оттого безнадежной ситуации, маркированной термином *колхозный авторитаризм с элементами тоталитаризма*. Однако основной замысел этого аналитического предприятия лишь в малой степени отличается от любого иного, ведомого значимым для нас поводом. Суть этого отличия состоит в том, что анализируются событие и его контекст, в отношении которых субъект и объект анализа если не совпадают, то переходят из одного регистра в другой довольно часто и с посильной долей осознанности.

Если для философии не существует ничего очевидного и философ, подвергая пересмотру наличные интерпрета-

¹ Галина Русецкая – магистр философии, преподаватель Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

тивные схемы, осуществляет смещение перспективы в постановке проблем, то для психоанализа смысл такого смещения – это всегда встреча с измерением истины (как бы метафизично это ни звучало), измерением невозможного, того, что является условием возможности наличного. Это измерение есть не что иное, как бессознательное. В соотношении с ним и рождается этический субъект с точки зрения лакановского психоанализа.

Почему измерение истины в психоаналитическом смысле Лакан характеризует определением *невозможное*? Потому что в привычных обстоятельствах она (истина) дана нам только в искажённом виде (посредством *Воображаемого*). Этический же субъект рождается в ответе на вызов *Реального*, в ситуации (после) перехода за/через фантазм (по ту сторону *Воображаемого*). Этот переход знаменует собой встречу с тем, что, оставаясь недоступным полному осознанию, является последним основанием субъекта. Поэтому с психоаналитической точки зрения этический субъект принципиально расколот, в равной мере он нуждается в обманчивой гармонии фантазма (*Воображаемого*) и с необходимостью с ней порывает.

Происходящее в Республике Беларусь на протяжении всей её новейшей истории и отдельно взятое событие 19 декабря 2010 года с успехом востребуют весь спектр психоаналитических идей, но, повторюсь, наши размышления размещены в плоскости психоаналитической этики. Стоит, однако, упомянуть, что психоаналитический дискурс в целом – это преимущественно этический дискурс. В противоположность этике блага, психоаналитическая этика исходит из невозможности гармонического (гомеостатического) состояния человека и человеческого сообщества. Парадоксальность манипуляций с понятием блага состоит в том, что все они, так или иначе предполагая осуществимость идей справедливости и равенства, покрывают место глашатая, по которому проходит водораздел, формирующий разнящиеся и никоим образом не равноценные ниши (позиции) в социальном поле. Поэтому понятие блага, отсылающее к гармонии, равноценности, терпимости к культурным различиям, справедливости, равенству и т. д., – глубоко идеологично и нуждается в осмыслении с позиции понимания двусмысленности его характера. Психоаналитическая этика *Реального* противостоит этике блага, отсылающей к Аристотелю. Фрейд-лакановская этика, кроме того что вскрывает идеологический характер понятия блага, задаёт иные координаты феномена долженствования, с которым вынужден иметь дело всякий человек. Сказать, что психоаналитическая этика выражается формулой «следуй максиме своего желания» – практически ничего не сказать или сказать очень мало. В то же время в задаче этого текста не входит прояснение всех ключевых концептов фрейд-лакановского психоанализа, без знания которых, однако, невозможно адекватное понимание сути этики *Реального* (психоаналитической этики, этики дисгармонии). Эту сложность мы попытаемся преодолеть, апеллируя к эмпирическим событиям, имеющим значение для субъекта высказывания.

Внутренняя логика дисбаланса, заложенная в идентичность как отдельного субъекта, так и сообществ, не может быть разъяснена без обращения к одному из основных психоаналитических концептов – *супер-эго*. Может показаться, что с этой инстанцией всё давно ясно: в незатейливых околопсихоаналитических домыслах *супер-эго* предстаёт в виде носителя культурных запретов, нарушаемых с подачи девиза: «Если очень хочется, то можно». Для нас же важно распознать динамический и глубоко двусмысленный характер *супер-эго*. *Супер-эго* – это инстанция, олицетворяющая собой не только запрет и Закон, но и особого рода наслаждение. Характеризуя одну из ключевых фигур психоаналитического дискурса – Отца, – Лакан использует игру слов во французском языке: он говорит о перверсии – *«père-version»*. Перверсивность, таким образом, означает, что Отец – это всегда версия отца. В основании его существования – глубокая двусмысленность. Отцовская инстанция (*супер-эго*) получает свою долю непристойного наслаждения, культивируя в субъекте чувство вины. При этом чем больше *эго* старается соответствовать требованиям *супер-эго*, тем притязательнее взыскания со стороны последнего. Это одно (не единственное) из обоснований динамического дисгармонического характера «человеческой природы».

Дисгармонический характер общества основывается на уже обозначенном допущении избыточности человека по отношению к самому себе. Конститутивный дисбаланс, существующий на уровне отдельного субъекта, проецируется на социальный порядок. Принятие факта принципиально негармонического социального устройства никоим образом не является обоснованием или оправданием для конкретной наличной констелляции его элементов. Этика *Реального* (этика дисгармонии) может обосновать только необходимость поддерживать разрыв между наличным и возможным, между универсальностью притязаний того или иного проекта социального переустройства и его партикулярной укоренённостью.

Кроме акцентуации этической проблематики в связи с 19-м декабря встаёт вопрос о возможной динамике в соотношении если не видимого и говоримого, то событийного и аналитического. Очевидно, что, описывая событие, мы формируем социальный симптом. Только через симптом мы можем узнать что-то о субъекте – в данном случае о себе в качестве участников социального порядка в современной Беларуси, равно как и о самом этом порядке, и именно в такой последовательности.

Ключевой мотив упомянутого в начале работы текста Жижера, как это часто бывает в его работах, отсылает к фильму и одноименному роману под названием *Талантливый мистер Рипли*². Для нас здесь важны два сюжета: (а) полнота желания другого и связанная с ней специфическая разновидность зависти и (б) диалектика нормы

² Жижек С. *Когда простота означает странность, а психоз становится нормой* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://lib.rus.ec/b/160341/read>. Дата доступа 15.06.2011.

и патологии. Допущение полноты желания другого в качестве действительной характеристики последнего – это условие возможности навязчивого преследования этого другого, практически обречённого вызывать ненависть у носителя фантазма о полноте. Эта ненависть вызвана особым рода завистью, центрирующей желание субъекта в его отношении к недоступной полноте желания другого. Суть этого феномена (зависти), как говорит Лакан, в полной мере передаёт только немецкий язык: речь идёт о *lebensneid*³. Дело осложняется тем, что в психоанализе мы имеем дело с бессознательным. И для того чтобы встретиться с измерением невозможной истины, говорящей о субъекте больше, чем он готов услышать, нужно иметь смелость подвергнуть сомнению самопрозрачность и благонамеренность собственного *эго*. Без нужды, однако, никто делать этого не станет, а нужда оказывается очевидной не для всех. Меж тем самое простое в навязчивом преследовании желания другого – обрушить на него весь праведный гнев, вызванный принципиальной недостижимостью этой полноты.

Эта схема с очевидностью обнаруживается, если мы вспомним декабрьскую и последующую неадекватную жестокость людей, удалённых от своего желания настолько, что желание других может вызвать у них только ненависть. Либицинальная нагрузка переносится на других. Перенос вызван не столько завистью как таковой («нам никогда не быть людьми, для которых свобода имеет ценность»), сколько *вытеснением* зависти и автоматически возникающей агрессии в отношении тех, кто предположительно обладает полнотой желания (способностью ощущать ценность свободы). Остаётся только обесценить эту способность, низвести до своего уровня трактовки. Насилие, которое мы наблюдали 19 декабря и после, означает, что *свобода* в качестве ценности и означающего, функционирующего на символическом уровне, укоренена в бессознательном субъектов насилия. Но этого тезиса недостаточно. *Свобода* в качестве основного означающего, вокруг которого, как видится, разворачивались анализируемые события и новейшая история Беларуси, является утраченным объектом – ведь мы знаем из работы Фрейда *Печаль и меланхолия*, что в качестве утраченного объекта может выступать не только любимый человек, но и идея. Предположу, что утраченный объект, центрирующий желание белорусов, который мы при первом приближении обозначили понятием *свобода*, может быть уточнён при помощи означающего «*Людзьмі звацца*». Это означающее сформировано классиком белорусской литературы в хорошо известных каждому школьнику строках:

А хто там ідзе, а хто там ідзе
У агромністай такой грамадзе?
– Беларусы.

³ Лакан Ж. *Семинары. Книга 7: Этика психоанализа*. Перев. А. Черноглазова. М.: Гнозис/Логос 2006. С. 307.

А што яны нясуць на худых плячах,
 На руках ў крыві, на нагах у лапцях?
 – Сваю крыўду.
 А куды ж нясуць гэту крыўду ўсю,
 А куды ж нясуць напаказ сваю?
 – На свет целы.
 А хто гэта іх, не адзін мільён,
 Крыўду несць наўчыў, разбудзіў іх сон?
 – Бяда, гора.
 А чаго ж, чаго захацелась ім,
 Пагарджаным век, ім, сляпым, глухім?
 – Людзьмі звацца⁴.

Как указывает Фрейд, реакция на потерю любимого объекта может быть разной – печаль или меланхолия. При всей силе эффекта печаль не затмевает для субъекта мир, поскольку он осознанно оплакивает утрату посредством работы печали. Меланхолия же в качестве реакции на утрату разворачивается сложнее и с большими задержками в движении либидо. При меланхолии отсутствует чёткое представление о том, что утеряно. Но даже если есть представление об объекте утраты, то неясно, что именно в этом объекте утрачено. Кроме того, мир для поражённого меланхолией практически перестаёт существовать, либидо путается в сетях любви-ненависти.

Как видится, в белорусском обществе произошёл раскол по линии этического выбора. Этическую перспективу мы и будем удерживать в наших дальнейших рассуждениях. Но прежде чем пояснить суть заявленного тезиса, стоит задержаться на механизме меланхолии. Если мы предположим, что утрата объекта «*Людзьмі звацца*» происходит по модели меланхолии, наиболее ожидаемая в этом случае форма «отработки» – агрессия, или, точнее, аутоагрессия. При меланхолии ситуация утраты отягощена тем, что отрицается факт утраты, а утраченный объект замещается самим субъектом: в отсутствие включённости в европейское культурно-политическое пространство можно заявить: «Мы и есть Европа». Пожалуй, на этом механизм меланхолии можно оставить в покое, поскольку дальнейшее его развитие приводит к самообвинению и аутоагрессии, если следовать Фрейду. Мы же видим несколько отличный вариант развития событий: либидо, заряженное ненавистью, переносится на сконструированный на скорую руку образ врага. Эта объективация носит глубоко бессознательный, а потому, скорее всего, необратимый характер.

В работе *Когда простота означает странность...* Жижек показывает эволюцию этической установки, один из вариантов логического завершения которой выражается формулой: на пути реализации вашего желания не может быть никаких преград. Если

⁴ Купала Я. А хто там ідзе? // Купала Я. *Жыве Беларусь*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. С. 25.

преграда в виде конвенциональных запретов всё же появляется, она может быть разрушена. Безусловно, главному герою анализируемого Жижekom романа и одноименного фильма *Талантливый мистер Рипли* неприятно совершать убийство молодого человека, который воплощает для него идеального субъекта желания. В отношении этого субъекта (Дики) Рипли испытывает ту разновидность зависти, о которой мы упоминали ранее – *lebensneid* (вполне возможно, никакой другой и не существует). Каким бы неприятным делом ни казалось убийство, Рипли «вынужден» его совершить, чтобы самому стать идеальным субъектом желания, присвоив имя и образ жизни своего друга. Подчеркнём, что убийство здесь является «всего лишь» технически необходимым, почти рутинным мероприятием по устранению преграды на пути желания. Для нас в этом сюжете важен момент взаимообратимости понятий *нормы* и *патологии*. Сюжет хорош тем, что слишком явно демонстрирует то, что в повседневной социальной жизни присутствует не в столь радикально отчётливом виде. Патология Рипли в том, что он абсолютно нормален, – Жижек приводит на этот счёт суждение автора романа Патрисии Хайсмит. И здесь же цитирует Лакана:

«Норма есть специфическая форма психоза, травматически не пойманная в символическую паутину, сохраняющая “свободу” от символического порядка»⁵.

Иными словами, патологическая установка, не знающая запретов или устраняющая их как техническую неприятность, может в определённый момент стать абсолютно нормальной, не воспринимаемой субъектом как некий эксцесс. И обратно: нормальное человеческое желание причастности к политическому процессу, оказывающему непосредственное влияние на собственный образ жизни, или желание солидаризироваться по каким-либо основаниям с другими людьми становятся пугающими и эксцентричными.

Проблема здесь в отношении к запрету, или Закону, в терминах психоанализа, который учит, что запрет и формирует нашу способность желать. Психоанализ в этом вопросе гораздо более радикален в сравнении с постмодернистским релятивизмом, поскольку психоаналитическая трактовка желания обязательно предполагает соотношение с невозможностью его полной реализации. При всей условности, граница нормы и патологии, многократно подвергавшаяся критике, задаётся отношением к Закону как формальному принципу. Закон – это пустое означающее, чистое различие, несовпадение перспектив. Всякое содержательное наполнение этого принципа, равно как и игнорирование Закона в качестве необходимого формального принципа, находятся за пределами этического действия. Следовать желанию означает исходить из необходимости чистого различия; различия, к примеру, не только между отдельными сообществами, что само по себе важно, но и различия между

⁵ Жижек, указ. соч.

конкретным сообществом и идеей сообщества. Следовать желанию означает не переставать давать ответ на несовпадение перспектив порядков *Символического* и *Воображаемого*, наличного и потенциального, *эго* и *супер-эго* и т. д.

Ясно, что сам по себе выход людей на площадь с тем, чтобы выразить несогласие с очевидной ложью, необязательно привёл бы к смене режима. Властная машина работает по своим законам, для описания которых недостаточно одного психоаналитического инструментария. Однако с его помощью можно проанализировать феномен насилия, проявляющегося со степенью агрессии, неоправданной настолько, что подрывает относительно устойчивое положение самих носителей. Таким образом, то насилие, которое мы могли наблюдать 19 декабря и которое в явном или латентном виде окружает нас до сегодняшнего дня, представляет собой следующую констелляцию:

- фундированное меланхолией (недоступностью утраченного объекта «*Людзьмі звацца*» и вытеснением факта этой утраты) насилие;
- объективированное насилие, а потому сопровождаемое явно выраженной агрессией в отношении полноты желания другого;
- технически оправданное насилие – патологически нормальное (а-ля *Талантливый мистер Рипли* Патрисии Хайсмит, но не экранизации, где герой Мэта Даймона всё же испытывает муки совести).

Этика психоанализа, при всей сложности её обоснования, определённо характеризуется установкой на удержание разрыва, несовпадения перспектив *Воображаемого* и *Символического*. Между тем этический выбор – это выбор (*в пользу смерти*) в пользу должного, данного нам как безличный символический порядок, в котором мы размещаем своё желание. Иными словами, мы знаем, что выход на площадь 19 декабря сам по себе не ведёт к переустройству социального порядка, который соответствовал бы нашим чаяниям (хотя бы в силу того, что такого социального порядка не существует). Но это отнюдь не означает, что выход бесполезен. Бесполезной и тщетной как раз оказывается другая позиция: раз невозможно изменить наличное положение дел, то не стоит и предпринимать что-либо. Это, кстати, позиция Исмены в *Антигоне* (на примере одноименной героини этого мифа Лакан раскрывает специфику этического выбора)⁶. Символическим жестом (пустым, но от этого крайне ценным) – выбором в пользу невозможного – мы поддерживаем в поле видимого несоизмеримость порядков наличного и возможного. На наш взгляд, крайне важна именно такая трактовка: протестные действия – это гарантия дисгармоничного, нецелостного, всегда не совпадающего с самим собой социального пространства. Все его репрезентации в качестве целостного работают на его уничтожение. Оставаясь в этой топике, крайне важно не обесценить это

⁶ Лакан, указ. соч., с. 315.

событие: протестные действия 19 декабря не могут трактоваться как неуспешные или проигранные, несмотря на то (или именно потому) что пострадали и до сих пор страдают люди. При всём различии в масштабах и последствиях в той же топике рассуждает Жижек, когда пишет о Холокосте в терминах необходимости всем нам стать знаками этого события. Это прикосновение к травме, или идентификация с симптомом, даёт возможность действительно проблематизировать социальный порядок, удерживая наши размышления в поле этики.

Этический выбор предполагает взаимозаменяемость субъекта и объекта. Выйти на площадь 19 декабря и остаться в момент, когда можно было уйти, – это демонстрация отношения к себе как объекту. Это ситуация, когда игра важнее отдельно взятого игрока. Лакан неоднократно утверждал, что этический выбор – это выбор в пользу смерти. Это означает, что субъект включается в символический порядок в качестве объекта, которого уже не волнует собственная судьба в горизонте самосохранения. Очевидно, что лёгкость, с которой, как может показаться, это утверждается, мало соотносится с действительным выбором.

Условия этического выбора, как правило, таковы, что никогда не известны заранее все ставки в игре. Субъект вовлечён в игру, правила которой могут меняться. Но смысл этического действия от этого не становится релятивным. Исходя из того, что общество не существует вне своей репрезентации, можно утверждать, что социальный порядок, мыслимый в терминах случайности, – наиболее продуктивная модель. При условии, что в наших представлениях об обществе есть место случайности и, более того, вокруг неё выстраиваются социальные отношения, мы можем видеть социальное вне его жёсткой детерминированности экономикой и производством, что крайне важно. Так, к примеру, Бодрийяр в своих теоретических построениях с целью экспозиции социального устройства, для которого конститутивным является случай, привлекает метафору «Лотереи в Вавилоне» (Борхес).⁷ Случай, став элементом реальности, порождает неразличимость порядков алеаторности и спланированности. Неспособность осознать тотальную случайность игры, в которую действующие лица всегда уже включены, – досадная близорукость, и именно эту неспособность можно обозначить как бессознательное. Социальность, в основе которой – игра случая, а не довесок к рационализированной управляемости, опровергает привычную социальность, описываемую в терминах производства, пользы, традиционной этики и научной репрезентации. Возможность такой рискованной социальности, основанной на постоянном повышении ставок, вызывает у Бодрийяра ностальгию по утраченному и одновременно становится новым горизонтом.

Это небольшое отвлечение в сторону автора, который является скорее критиком психоанализа, понадобилось нам для того,

⁷ Бодрийяр Ж. *Соблазн*. Перев. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000.

чтобы перейти к дальнейшему рассмотрению возможностей этического выбора в ситуации случайной констелляции событий и неслучайной роли означающего. Позволю себе привести длинную, но уместную здесь цитату из семинара Лакана:

«Означающее вводит в мир два порядка – истины и события. И если мы хотим удерживать его на уровне отношений человека с изменением истины, то нам не удастся одновременно использовать его для упорядочения события. В трагедии, любой трагедии, никакого подлинного события нет. Герой и его окружение занимают определённые позиции по отношению к точке, к которой устремлено желание. Происходящее же представляет собой обрушение, перемешивание различных пластов присутствия героев во времени. Именно это и остаётся в итоге неопределённым – когда карточный домик, который представляет собой трагедия, рушится, различные вещи могут сгрудиться вместе, и картина, в конечном счёте, может получиться самая разная»⁸.

Таким образом, психоанализ позволяет нам предположить, что если что-то существует на символическом уровне как означающее (*свобода* или «*Людзьмі звацца*»), то оно центрирует желание разных субъектов в поле отношения к истине; истине, данной нам только в искажённом виде через фантазм и раскрывающейся на втором шаге через прикосновение к травме или идентификацию с симптомом – в этическом поле.

В *Топосе* пятилетней давности, посвящённом президентским выборам 2006, Янов Полесский писал о том, что деградирующий режим сам порождает революцию своими агрессивными выпадами, демонстрируя при этом собственное бессилие.⁹ Это в целом верное наблюдение хотелось бы развить. Не секрет, что слабые управляют сильными, и они могут делать это бесконечно долго. Никакого определённого прогноза нельзя сделать на основании событий самих по себе, хотя бы в силу того, что не бывает таких событий, которые говорят сами за себя. Наше теоретическое предприятие нацелено показать, что освежающая истина о том обществе, в котором мы живём, может быть явлена при условии формирования социального симптома. Симптом указывает на невозможное травматическое ядро, идентификация с которым позволяет переписать социальный порядок, обнаружив в нём доселе скрытые возможности. Поскольку раскол современного белорусского общества очевиден, симптом для находящихся в противостоянии сторон будет разным. Для власти симптом – это идея свободы; для того, кто осознаёт значимость свободы, симптом – это рабство. Поскольку этика психоанализа – это не морализаторство и не заведомое приписывание этического выбора своим единомышленникам и отсутствия споспешности к этому выбору идеологическим врагам и просто непри-

⁸ Лакан, указ. соч., с. 342.

⁹ Полесский Я. Перманентные выборы и революция // *Топос*. 2006. № 2. С. 81–90.

ятым людям, то мы должны иметь представление о том, что возможность подлога, насилия и хамства является скрытой истиной о нас самих, существующей на уровне бессознательного; на основании этой истины и формируется симптом.

Этика психоанализа, конвертированная в императив следовать желанию, предписывает нам отыскать своё желание. Это можно сделать только в соотношении с желанием другого (других). Самая удалённая от желания, а потому начальная позиция на пути следования к нему – зависть в отношении желания другого и, как следствие – агрессия, мотивированная стремлением присвоить объективированное в другом желании. Очевидно, что невозможно овладеть желанием другого посредством его физического уничтожения или захвата атрибутов его идентичности. Если желание другого не становится самоценным на сознательном уровне, оно западает глубоко в бессознательное в виде нераспознанного симптома, проявления которого не замедлят сказаться в явно деструктивном характере действий. Чужое желание нельзя ни присвоить, ни разрушить, в отношении к нему можно только обрести своё. Это один из ключевых принципов психоанализа, располагающийся всё в том же этическом поле.

Любая идеология вводит нас в измерение иллюзии, благодаря которой мы полагаем, что, избавившись от конкретного источника зла (сбоя в системе), мы наладим нормальную социальную жизнь. Мы же настаиваем на необходимости брать за точку отсчёта сбой как таковой: он объясняется несовпадением порядков истины и эмпирического события. Совпадение этих порядков патологично. Следуя психоаналитической этике, мы можем настаивать только на необходимости следовать пути желания, размещённого в символических координатах. В психоанализе запрос на счастье и гармонию неизбежно оборачивается предложением отыскать своё желание в соотношении с желанием другого и невозможной истиной о самом себе.